

Валерий Голков

"Жил-был
хам"

12+

Валерий Голков

Жил-был хам

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Голков В. А.

Жил-был хам / В. А. Голков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Мальчик Вася живет в благополучной семье, звезд с неба не хватает и усердием и способностями не отличается. Отличается Вася тем, что с детства был хамом. Хамство- обязательный атрибут его жизни. В 90-х Васин папа удачно вписался в перемены, разбогател, грея и сынка в лучах своих капиталов. Но папа нежданно- негаданно умирает. И наш Вася оказался ненужным папиным компаньоном. Его выкидывают из бизнеса- зачем им бездельник. И жизнь оборачивается к нему своей изнанкой. Теперь он безработный. Убогая хрущовка» и подержанная «Калина» -все его имущество. В новых для себя жизненных обстоятельствах всюду он узнает себя, прежнего. Вася возмущен. Он строчит жалобы во всякие инстанции. Но ответы убеждают его- хамство «обло, огромно, озорно, стозевно и лайй». Как у Радищева. Он становится борцом с хамством, анализирует все его разновидности, попадает в разные нелепые ситуации в ходе этой борьбы. История эта не имеет счастливого конца. Она смешна и печальна. Как наша жизнь.

© Голков В. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Валерий Голков

Жил-был хам

Жил-был хам. Речь, конечно, пойдет не о том хаме, который жил в допотопные времена и был сыном Ноя, известного спасителя мира. Тот Хам был с большой буквы и считается, что все последующее хамство пошло от него, хотя, по правде сказать, ничего такого хамского в нашем теперешнем понимании он не сделал. Ну, подумаешь, застукал папу голым и пьяным и рассказал об этом не кому – то постороннему, а своим же братьям. Наш хам, с маленькой буквы, родился и вырос в стране победившего социализма, а созревал уже в другой стране, победившей социализм и все остальное, хорошее и плохое, что было в прежней. Победасостояла в том, что все в этой стране сильно изменилось, как и обещали победители. Они хотели как лучше, но как именно будет лучше – не знали, поэтому получилось то, что получилось. К примеру, из бесплатной медицины получились сразу две – бесплатная и платная, причем бесплатная стала хуже прежней, а платная – не лучше, но дороже. То же произошло и с высшим образованием, только оно к тому же и потеряло смысл: корочка об образовании стала важнее самого образования. Спорт лишился спортсменов крупного телосложения – они стали бандитами. Впоследствии одна их часть погибла в борьбе, другую раскидало по зонам, а третья, из уцелевших, ушла – кто в политику, кто во власть, кто в бизнес. Вместо прежних Советов и Исполкомов появились губернаторы, мэры, думы, сенаты, министерства, департаменты и тому подобное, чтобы править губерниями, округами, волостями и еще чем-то, короче, населением. Милиция была преобразована в полицию, что свидетельствовало о желании приобщиться к общемировым стандартам правопорядка. Но дальше желания дело не пошло и изменение названия к другим существенным изменениям не привело. В политической жизни образовался плюрализм: вместо одной появилось много партий и они спорят друг с другом, обзываются, как дети малые, и ругают правительство. Но при всем том голосуют, как правило, единогласно, а право быть умом, честью и совестью приписывают каждая себе. Продовольственно – шмотковое изобилие, правда, наступило, но не всегда качественное и не всем по карману. Изменилась и структура населения по признаку **благосостояния**: раньше оно делилось на бедных и блатных (т. е., тех, кто пользовался **благами** по благу и должности), а теперь на бедных и богатых, ставших владельцами **состояний**, по причине произошедших в стране событий. При этом **состояния** достались в первую очередь тем, кто раньше пользовался **благами**. Со временем и богатых, и бедных стало больше, а общая численность населения почему-то уменьшилась.

Период становления характера нашего персонажа охватил, таким образом, и время застоя (официально именовавшееся эпохой развитого социализма), и время перемен, то – есть, детство, юность, молодость и часть зрелости прошли в предыдущей стране, а остальное – в последующей. Семья Васи (так звали нашего героя) считалась благополучной, так как блага и полочки были высокого уровня – папа в прежней стране был номенклатурным работником областного масштаба. Мальчик Вася поначалу рос как все нормальные дети, а учился даже лучше других. Школа считалась престижной, с углубленным изучением иностранных языков. Правда, языки Васе давались с трудом, и из всех ему известных предпочтение он отдавал говяжьему, особенно заливному с хреном. От сверстников Вася отличался, может быть, только заносчивостью, но и то в пределах нормы. Это, однако, мешало ему иметь друзей, и даже приятелей у него по этой причине было немного. И все же отношения с одноклассниками сложились ровные, как и с учителями, со всеми, кроме «немки». У «немки» были основания относиться к Васе не столь ровно, и причиной этому послужил один случай. С Васей за одной партой сидел Вова, ученик средний, но с талантом к стихосложению. Однажды Вова получил

двойку по немецкому, посчитал это несправедливым и вылил свое негодование на клочке тетрадного листка, сочинив стишок следующего содержания:

Их бина дубина полено бревно
немка скотина немка говно

Вася его прочитал, восхитился талантом автора и решил, что шедевр этот должен дойти до адресата. Он выкрал у Вовы стишок и подкинул его на стол «немке», нарушив тем самым авторское право сочинителя, который не имел намерения его публиковать, а тем более показывать «немке». Обнаружив стишок, «немка» страшно возмутилась и отнесла его в учительскую на экспертизу. Автор был установлен по почерку и вскоре стишок в качестве вещественного доказательства совершенного преступления лег на стол директора. Директор, человек с юмором и тоже по каким-то там причинам недолюбливавший «немку», оценил несомненные литературные достоинства стишка, посмеялся без свидетелей, но Вову с мамой к себе все же вызвал – для выяснения и наказания. Вова на допросе сознался в содеянном, но клялся, божился и давал честное пионерское, что не подкидывал его «немке» и не собирался этого делать. И директор принял соломоново решение: виноват не тот, кто совершил проступок в порыве чувств, а тот, кто исполнил эту подлянку – выкрал и подкинул. Нашлись в классе свидетели, которые охотно сдали Васю. «Немка» согласилась с решением директора, приняла Вовины извинения и с тех пор невзлюбила Васю. Этот факт не слишком его расстроил – немецкий, как и «немку», он и раньше недолюбливал, а в отношениях с одноклассниками тоже мало что изменилось – случившееся на эти отношения не повлияло. Директор в устной форме высказал Васе все, что о нем думал, в надежде на понимание и дальнейшее неповторение – он был большой либерал, хотя в душе считал, что Васю следовало бы выпороть за подлость.

Между тем Васин папа к этому времени довольно резво поднялся по карьерной лестнице, и на какой-то ступеньке его высокий должностной уровень был отмечен персональной черной «Волгой» и личным водителем.

С этого момента Васю как подменили. Когда его первый раз привезли в школу на папиной «Волге», из машины вышел совсем другой мальчик. Своим умом, без помощи Оруэла, которого не читал ни до того, ни после, он понял, что живет в обществе, где все равны, но некоторые равней других. Осознание своей «некоторости» привело к тому, что он стал дерзить учителям, обзывать непотребными словами школьных девочек и обижать физически более слабых одноклассников, чему способствовали хорошее питание, довольно высокий рост и папа, определивший его в боксерскую секцию. В секции он не преуспел, частенько бывал битым и через некоторое время был отчислен за бесперспективность и отвращение к тренировкам. Однако занятия боксом хоть и оказались кратковременными, но сыграли злую шутку с его характером – он стал еще более заносчивым и высокомерным, за что в классе его невзлюбили, и не только слабые, но и сильные. Однажды, собравшись вместе, они высказали ему все, что о нем думали. В результате возникшей полемики стороны не достигли взаимопонимания, и одноклассники накостыляли Васе по шее и по прочим местам, то – есть, куда попало. Когда же он с фонарем под глазом и в кровавых соплях предстал перед родителями, разразился страшный скандал. На следующий день папа, подкатив к школе на персональном лимузине, явился к директору, волоча за собой пострадавшее чадо и попутно наводя ужас на учителей, находившихся в это время в учительской. Разгневанный чиновник областного уровня – это вам не какой-нибудь пьяный дебошир, которого можно усмирить путем самоуправства или вызвав милицию. Разгневанный чиновник, сына которого отлупили в школе, не станет разбираться, кто виноват. Он знает, что делать. В результате его визита директору «закатили строгача с занесением» и пригрозили «неполным служебным соответствием». По показаниям пострадавшего установили виновных, после чего мальчика, засветившего в глаз нашему герою, и мальчика, угодив-

шего ему кулаком в нос, перевели в другую школу, в ту, куда как за сто первый километр* ссылали хулиганистых пацанов, а еще зарегистрировали их в детской комнате милиции. Классного руководителя лишили этого почетного звания, всех родителей вызвали на педсовет, подвергнув мощной воспитательной обработке, чтобы те поняли, кого их отпрыскам позволено обижать, а кого – не дай бог.

После всего случившегося наш герой почувствовал свою неуязвимость, а зарождавшееся в нем хамство стало осваивать новые территории. Теперь он хамил не только в своем классе и своим учителям. В сферу специфических проявлений характера нашего героя попали параллельные классы, школьные уборщицы, персонал школьной столовой, завхоз Анна Федоровна, а также замкнутые пространства трамваев и автобусов, в пределах которых доставалось и кондукторам, и пассажирам, особенно пожилым и беременным. Поскольку не все его подвиги оставались безнаказанными, папе порой приходило в голову, что чадо его не такое уж белое и пушистое, а участвовавшая необходимость вставать на защиту ущемленной чести и поврежденного достоинства юного хама стала утомлять высокопоставленного родителя. После очередного скандала кто-то накатал соответствующую «телегу» в партком учреждения, где служил папа, и поведение отпрыска стало предметом нелицеприятного для солидного чиновника разбирательства. Этот случай вывел папу из душевного равновесия и он вознамерился выпороть чадо. И выпорол. Однако воспитание поркой как педагогический прием себя не оправдало, зато возымело чисто медицинский эффект – ускоренный метаболизм. И тогда папа, опытным путем убедившись в правоте народной поговорки «не трожь г., вонять не будет», решил раз и навсегда отказаться от силового воспитания. Может, так обойдется. Само собой. С возрастом. Со временем.

А время шло, наш герой, окончив школу, поступил с помощью папы в престижный вуз, где не отличался особым усердием в учебе, зато проявил себя на общественном поприще. Он с энтузиазмом взялся за работу в комсомоле и прошел все уровни – был комсоргом группы, курса, факультета, а к концу обучения в вузе – секретарем комитета комсомола института. Уровни эти дались ему легко, поскольку не было конкурентной среды. Студенты в подавляющем большинстве еще соглашались избирать, но быть избранными – ни в какую. А кто не возражал быть избранным, того и избирали. Высокомерие, волосатая рука папы и выборная должность возвышали его в собственных глазах над теми, кто не имел ни того, ни другого, ни третьего. Возвышали, но только в собственных. Студенты, не имевшие подобных преимуществ, в описываемые времена по этому поводу комплекса неполноценности не испытывали и на высокомерие своего собрата по учебе никакого внимания не обращали, а, попросту говоря, плевать хотели. Обратная реакция была аналогичной. И только отсутствие интереса к нему со стороны особой женского пола Васю расстраивало. Ведь кроме описанных выше преимуществ он был высокого роста, упитанного телосложения и имел правильные, правда, плохо запоминающиеся черты лица. В связи с достигнутой расцвета половой зрелостью и наличием перечисленных достоинств он считал себя неотразимым, а упомянутых особей – обязанными это осознавать. Однако фактически имело место злостное неосознание, что вызвало к отмщению. Как жизнь, кривоногая, с приветливой улыбкой спрашивал он случайно встретившуюся однокурсницу. И не дождавшись ответа, интересовался, не хочет ли она большой и чистой любви. Потом следовала еще пара гадостей. Получив удовольствие от искаженного услышанным лицом жертвы и оглянувшись, нет ли поблизости свидетелей, он удалялся. А обиженная еще долго рыдала в туалете, глядя на свои стройные ножки.

Как уже было отмечено, учился Вася без энтузиазма, но в основном на четверки, и зачастую не гнушался выклянчиванием этих четверок, ссылаясь на большую общественную нагрузку по комсомольской линии. И ему, как правило, шли навстречу, ибо он мог пожаловаться (а такие факты имели место) на какого-нибудь строптивого преподавателя и декану, и парторгу института, и самому ректору, обвинив строптивца в пристрастном отношении

и неуважении к выполняемым им общественным обязанностям. Правда, никто никогда, за исключением, может быть, вышестоящих комсомольских чинов да институтского парторга, не интересовался, из чего состояли эти обязанности. Справедливости ради следует отметить, что на каких-то собраниях, организованных Васей, обсуждали особо отличившихся в студенческих пьянках, результаты рейда по общежитию и еще что-то, например, решения партийных съездов. А вот организацию и исполнение трудовых подвигов студентов на колхозных полях, целине и стройках в свободное от учебы время обеспечивали лидеры неформальные. Наш герой к таковым не относился и в этих подвигах не участвовал по причине резкого ослабления здоровья, подтвержденного соответствующей медицинской справкой, в которой и указывалось, в связи с какой такой болезнью Васе категорически противопоказан общественно-полезный труд на этих самых полях – стройках. По слухам, выдаче справки предшествовал звонок из папиного учреждения (аналогичным образом наш герой по окончании вуза «откосил», как сейчас говорят, от армии – к тому времени в вузах отменили военные кафедры, и выпускникам полагалось отдать воинский долг по укороченному сроку). Однако, несмотря на личное неучастие в колхозно – целинно – строительных мероприятиях, руководящую и воспитательную роль предводителя комсомола Вася исполнял рьяно, обличая тех, кто по разным причинам, неважно каким, их игнорировал. Он устраивал им разнос, используя высокий слог, заимствованный из передовиц центральных газет с добавлением богатого арсенала собственных хамских упражнений. Так же он отделял и тех, кто замечен был выпившим или пропускал лекции. Всем перечисленным доставалось и в стенной газете, коей Вася был главным редактором. Правда, его газета мало чем отличалась от стены, на которой висела, и ничьего внимания не привлекала – стена и стена, что с нее возьмешь.

А что до хамского поведения, то оно стало более изощренным и в то же время более осторожным, с оглядкой, потому что изменился круг общения, а в этом кругу в случае чего и кулаки были побольше, и фонари могли гореть поярче.

А время шло, но не лечило, и папа тут оказался неправ. Уже заканчивая институт, Вася резво перескочил из комсомола в партию, которая за неимением других претендентов несла на себе тяжелую ношу – быть умом, честью и одновременно совестью той нашей эпохи, оставив без всей этой триады остальных ее современников. Вскоре, правда, выяснится, что тяжесть окажется непосильной – слишком много Вась затесалось в ряды.

Окончив институт, Вася по протекции был «распределен» в одну из контор, подведомственных папиному учреждению, на должность начальника отдела, который занимался то ли экспортом какого-то оборудования, то ли его импортом, и по роду службы имел дела с поставщиками и потребителями этого экспорта-импорта. Перед одними умело заискивал, другие заискивали перед ним. Последним можно было хамить, что Вася и делал, используя богатый опыт. Упустить такую возможность он не мог – привычка превратилась в рефлекс на безответность и незащищенность жертвы. «Вас много, а я один», «подождешь, не барин», «я что, должен всех помнить?», «не нравится – ищи других (покупателей, поставщиков, дураков)», «ну ты дятел», «да пошел ты...» – это малый перечень из служебного лексикона нашего персонажа, не требующий времени и работы мозга. Часто использовались и более изощренные приемы – тут Вася подключал интеллект и глубокомыслие. Не ответить на письмо или ответить не по существу, но строго в рамках упомянутого уже рефлекса; спрятать в условиях договора двоякое толкование, чтобы не отвечать за его неисполнение; тянуть время, не подписывая документ; нарушить сроки оплаты и т. д. и т. п. – все это проделывалось с теми, от которых не исходила опасность получить по морде в широком толковании этого выражения. Особенно доставалось от Васиного рефлекса подчиненным, поэтому надолго в его отделе никто не задерживался. С подчиненными женского пола он общался подчеркнуто вежливо, но было в этом что-то такое, от чего дамы сильно напрягались и даже симпатичные становились некрасивыми. Дело в том, что вежливость длительная Василию Петровичу была некомфортна и в любой момент могла

обратиться в полную свою противоположность. Нина Ивановна, говорил он секретарше, будьте любезны, приготовьте мне кофе, пожалуйста. Да шевелись быстрее, черепаха, не видишь – тороплюсь. Смена интонаций была настолько внезапной, что принесенная чашка звякала о блюдце и проливала напиток. После этого вербальная форма общения с секретаршей заканчивалась и начиналась невербальная – начальник кривил губы, закатывал глаза и отворачивался, что должно было означать: Вы свободны, уважаемая Нина Ивановна, большое спасибо. А на самом деле означало: пошла вон, дура.

Когда наступили 90-е, папа, умело используя властный ресурс, быстро разобрался, что сулит поголовная ваучеризация с последующей повальной приватизацией и акционированием. Он через директоров подведомственных предприятий стал скупать ваучеры и акции у работников этих предприятий, обалдевших и обезденеживших от стремительно свершившейся капиталистической революции, и вскоре стал владельцем, а точнее, совладельцем с себе подобными, «заводов, газет, пароходов», с внедрением в богатства земель, морей и рек. Оба, папа и сынок, с пафосом выбросили свои партбилеты, чтобы без всякого ненужного обременения вступить в новую, капиталистическую жизнь. Папа вошел в число учредителей нескольких ООО, наплодил от этих «О» всевозможных «дочек» и «внучек» и стал жить-поживать да добра наживать, потому что еще остались люди, которые не разучились работать и которым было все равно, на кого работать. Шли годы, семейка богатела, все у папы было схвачено, «крыша» надежная, налоговая прикормлена, большие городские и областные чиновники, милицейские начальники и прочие нужные люди почитали за честь быть приглашенными в папин загородный замок по случаю торжественных дат, а также и без этих случаев, а так, попариться в баньке, «принять на грудь» с устатку, а заодно и «порешать вопросы». Бандитский беспредел 90-х Васиного семейство не коснулось благодаря широкой папиной спине, а точнее, его «крыше».

Но жизнь – тельняшка. За белой полосой пришла черная – в 98 году умер папа и грянул дефолт. Сынок, с рождения привыкший жить за папой, как за стеной, растерялся. Растерялся сам и растерял то, что нахапал папа, потому что папины поделщики по части учреждения всех этих «мамок», «дочек» и «внучек» быстро поняли, что сынок, который толком ничего не знает и не умеет, им и на фик не нужен, и поступили с ним просто по-хамски, то – есть, просто выкинули его из всех учредительных документов, а доли, которые он должен был унаследовать, поделили между собой. Ему бы в суд пойти да отстоять свое, кровное, нажитое непосильным папиным трудом, но он умел только хамить, а в суде это не прокатит. И остался он ни с чем. Замок, машину, катер, гараж, лодочную стоянку и прочее имущество, движимое и недвижимое, пришлось продать, потому что содержать все это было не на что. Выяснилось что личные папины деньги хранились на счетах, оформленных на каких-то дам, очевидно, папиных любовниц – не предполагал он так внезапно уйти из жизни. На вырученные деньги купил Вася «двушку» – «хрущевку» и подержанную «Калину», остаток приберег на черный день. Настоящую цену всей папиной движимости – недвижимости никто не давал – у богатых замки, катера и «мерсы» уже были, а не очень богатым они были не нужны. И разошлось это имущество за бесценок между папиными компаньонами и то только из уважения, как они выразились, к светлой памяти Васиного родителя. Мало того, в своей безграничной щедрости они пошли еще дальше – предложили Васе место вахтера в одном из своих офисов, поскольку прежнее его место работы накрылось медным тазом по причине революционных преобразований. А ведь мы еще забыли сказать, что ко времени, когда черная полоса накрыла нашего героя, он был женат и имел взрослую дочь. Обе, и жена, и дочь, были дамочками амбициозными и к скудному существованию абсолютно неприспособленными. По мере своих дамских сил и мерзопакостного характера они старались, как могли, чтобы Вася понял, какая он жалкая, ничтожная личность, раз им, невинным овечкам, приходится страдать в «хрущевских» хоробах и жить на вахтерскую зарплату.

Все это сильно подкосило Васю. По причине пошатнувшегося здоровья он стал частым посетителем районной поликлиники, а техническое состояние «хрущевки», в которой он проживал с семейством, подробно ознакомило его с системой ЖКХ. Знакомство это навело его на мысль, что упомянутые три буквы вполне могут заменить веками употребляемые на Руси другие три буквы. А еще подержанная «Калина» требовала частых контактов с отечественным автосервисом. Но особенно болезненной для самолюбия стала его вахтерская должность. Когда Вася в первый раз заступил на пост, выяснилось, что постоянными посетителями офиса, где он работал в качестве вахтера, были многие из тех самых поставщиков-покупателей, с которыми ему приходилось контактировать, будучи начальником отдела при папиной организации. Эти люди однажды узнали Васю под вахтерской фуражкой. Среди них оказались и злопамятные. Не стоит перечислять всех слов и выражений в его адрес, которые они позволяли себе, припомнив прежние обиды и унижения – достаточно вспомнить известную частушку, начинающуюся словами: «Мимо дома своей тещи я без шуток не хожу...».

А новая жизнь была ключом, а ключ был в руках у сантехника из жилищно – коммунальной конторы (сокращенно ЖКК). ЖКК было полномочным представителем системы ЖКХ в каждом конкретном доме и его правопреемником по части замены на другие три буквы. С обоими лицами, физическим и юридическим, у Васи сразу не сложились отношения, так как в «хрущевке» все текло, но ничего не изменялось, и это сильно раздражало ее жильцов. Справедливости ради надо сказать, что сантехник изредка являлся со своим ключом по Васиному вызову и что-то там подкручивал, а однажды даже поменял вентиль. Но после его визита все повторялось, то – есть, текло, но не изменялось. И однажды сантехник открыл Васе глаза на этот парадокс. Дело в том, что все, что было в квартире сантехнического, давно прогнило и требовало замены на новое, а новое, в свою очередь, требовало весьма немалых денег, которых у Васи не было. И добрый сантехник посоветовал Васе записаться на прием к начальнику ЖКК (впоследствии выяснилось, что это был такой сантехнический «прикол»). Но Вася тогда про «прикол» не знал и на прием записался. Начальником оказалась дама бальзаковского возраста, крупная, загорелая и жизнерадостная. Встретила она Васю, как блоковская незнакомка, «дыша духами и туманами» воспоминаний о недавних мальдивских приключениях. И поведал ей Вася свою печальную историю с гнилой сантехникой, требующей полной и безоговорочной замены.

Начальница благосклонно выслушала скучного посетителя и сказала, что «шчас, прям так сразу, не можем, нет в плане, но при первой возможности в план вас засунем». Куда засунула начальница Васю и засунула ли вообще – неизвестно, но полгода он терпеливо ждал, что вот-вот придут ребята из ЖКК и все ему заменят. А, не дождавшись, снова пришел к начальнице. К этому времени она потеряла загар, жизнерадостность и благосклонность к просителям и, когда Вася напомнил о своей проблеме и ее обещаниях, то ему показалось, что попал он не в кабинет начальницы, а в клетку к голодному тигру. И услышал он что-то до боли знакомое, можно сказать, родное. А было там и «вас много, а я одна», «я что, должна всех помнить», «пождешь, не барин» и т.д и т. п. И ушел Вася от начальницы с тяжелым сердцем, в связи с чем впервые в жизни к нему приехала «Скорая». С этого момента и стал Вася завсегдатаем районной поликлиники. Порядки этого почтенного заведения обогатили его жизненный опыт, поскольку при жизни родителя его пользовали врачи из привилегированного медучреждения. Впрочем, в той жизни Вася болел редко – поводов не было. Первый визит в районную поликлинику Васе запомнился разговором с тетей, сидевшей за окном регистратуры. Когда он объяснил тете, что ему надо попасть на прием к терапевту, от него потребовали полис. Про полис Вася слышал впервые. Пока тетя раздраженно объясняла, что такое медицинский полис и где его взять, собралась очередь, злобная, раздраженная, нетерпеливая, и кто-то из ближайших к Васе очередников произнес ему в затылок: «дятел». Слово это было знакомо ему не из книжки по орнитологии, а как обозначение человека тупого и темного. Вася и сам нередко употреблял

«дятла» в прежние светлые времена, когда имел дело с клиентами в своем департаменте по экспорту – импорту под крылышком у папы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.